

Новые вызовы безопасности для ЕС в контексте украинского кризиса и их влияние на сдвиги баланса отношений с Россией

Научный руководитель – Маркушина Наталья Юрьевна

Морозов Максим Константинович

Аспирант

Санкт-Петербургский государственный университет, Факультет международных отношений, Санкт-Петербург, Россия
E-mail: morozovmax1711@yandex.ru

Европейский Союз, являющийся динамически развивающимся центром полицентричного мира, с самого начала своего существования был игроком, не вписывающимся в традиционные критерии силы как параметра взаимодействия акторов международной системы и не являвшимся типичным игроком этой системы – государством с определённым силовым потенциалом, гарантирующим обеспечение его первостепенных интересов. Поэтому вопрос о безопасности для ЕС всегда стоял особым образом. Приняв множество документов, касающихся безопасности, за последнее двадцатилетие своего существования, ЕС проявил наибольшую последовательность в 2016 году, приняв Глобальную стратегию безопасности. В этой стратегии содержится систематизация основных принципов внешней политики ЕС в области безопасности, сложившихся к этому моменту в результате становления ЕС устойчивым актором международной системы, и перечислены такие важнейшие принципы, как сочетание мягкой и жёсткой силы во внешней политике и достижение стратегической автономии, активное участие в глобальном управлении [3]. Главные вызовы безопасности, которые указаны в этом документе, связаны с рисками дестабилизации системы глобального и регионального управления, в которой ЕС призван быть активным участником и посредником. В дальнейшем ЕС конкретизировал эти вызовы, обозначив в своих документах сферы, в которых они проявлялись [4].

2022-й год, однако, привнёс существенные изменения. Украинский конфликт привнёс в западный мир осознание риска дестабилизации международной системы, в которой «коллективный Запад» по-прежнему играл ведущую роль. Особая структурная роль Евросоюза, заключающаяся в одновременном распространении влияния «коллективного Запада» и посредничестве в обеспечении международной стабильности посредством достижения единства внешней и внутренней политики, распространения внутриевропейских норм и правил вовне оказалась под угрозой. В связи с этим, в марте 2022 г. ЕС принял Версальскую декларацию, в которой обозначил два пути укрепления своего положения в дестабилизированной международной системе: укрепление стратегической автономии и рост опоры на НАТО [1]. Это было сделано, несмотря на, казалось бы, определённое противоречие между этими подходами к обеспечению безопасности [5].

Причинами принятия этого и целого ряда других документов стали следующие возможные сценарии, которые ЕС воспринимает как угрозу своей безопасности. Во-первых, это угроза целостности европейской внешней политики, основанной на экспансии норм (подразумевается восприятие западным сообществом Украины как члена «европейской семьи», и спецоперация России как бы поставила под угрозу возможность ЕС распространять своё влияние на других членов международного сообщества). Во-вторых, следует упомянуть возможность становления конкурентного геополитического блока из развивающихся стран (немногие из этих стран готовы активно поддерживать Россию, но неопределённость развития конфликта увеличивает риск такой поддержки). В-третьих,

происходящие события обнажают отсутствие европейской общей обороны, чрезмерная зависимость ЕС от НАТО в сфере безопасности в ситуации, когда крупный конфликт вновь разразился на европейском континенте.

Каким же образом ЕС готов ответить на эти вызовы? Во-первых, важной реакцией является стремление к укреплению структурной целостности, дисциплины, а также системной роли «коллективного Запада» в мире и к недопущению превращения РФ в конкурента в управлении мировой системой. В конечном итоге это приводит к некому сочетанию политики укрепления внутренней целостности и максимально допустимого распространения внешнего влияния на международной арене путём удержания инициативы в конфликте посредством экономических санкций, морального давления, использования эффекта «голосования большинства» в международных институтах, что в конечном итоге должно, по мнению ЕС, сплотить международное сообщество на стороне «коллективного Запада». Мы имеем дело с сочетанием оборонительной и наступательной стратегии и вывод противостояния с Россией на системный уровень.

Очевидными следствиями подобных действий являются окончательный отказ от системного сотрудничества с РФ в обозримой перспективе (хотя тенденции к этому наметились гораздо раньше) и рост опоры на НАТО с одновременным курсом на достижение стратегической автономии. ЕС стремится, не допуская победы России в конфликте, одновременно сохранить роль «столпа мягкой силы» в полицентричном мире, сохранив, таким образом, своё важное структурное значение в полицентричном мире, одновременно с этим наращивая силу жёсткую, которая в будущем, по всей видимости, будет действовать в тандеме с мягкой. Таким образом, актуализируется реалистический паттерн поведения ЕС как субъекта мировой политики, но на общеевропейском уровне, а вовсе не вследствие победы тренда суверенизации.

Каково же влияние указанных выше вызовов безопасности и реакции Евросоюза на них на сдвиг в балансе отношений России и ЕС? Главный сдвиг заключается в том, что если ранее Москва и Брюссель пытались найти почву для стратегического партнёрства (чего получалось достичь далеко не всегда) [2], то теперь они перешли к стратегическому противостоянию. Ряд последствий для отношений, которые здесь надлежит выполнить, следующие. Во-первых, ЕС теперь воспринимает Россию не только как угрозу самому себе, но и как угрозу миропорядку в целом, в котором он стремится занимать одну из ключевых ролей. Этот миропорядок после 24 февраля 2022 г. окончательно стал полицентричным, и теперь, вероятно, игроки «коллективного Запада» хотели бы рассматривать его как своеобразную «управляемую многополярность», угрозу которой представляет Россия. Если в США присутствует восприятие ситуации как «революции» России против сложившегося миропорядка, то в ЕС преобладает стремление не допустить распространение подобной динамики по всему миру, для чего увеличивается объём связей с развивающимися государствами [6]. При этом у ЕС появляется дополнительный «аргумент» в отношениях с Россией – стремление к её экономическому истощению. Действуя таким образом, ЕС окончательно дистанцируется от возможности создания «общего европейского пространства» вместе с Россией и делает ставку на «атлантический» фактор в отношениях, пытаясь вместе с тем стать одним из «столпов» нового управляемого Западом многополярного миропорядка и продемонстрировать всему миру будущую подчинённую роль РФ в нём.

Источники и литература

- 1) Версальская декларация: укрепление европейской суверенности и снижение зависимости в стратегических сферах. Представительство Европейского Союза в Российской Федерации. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/russia/версальская-декларация-укрепление-европейской-суверенности-и-снижение_ru?s=177.

- 2) Данилов Д. Отношения Россия – ЕС в сфере безопасности: ограничения и перспективы // Институт Европы Российской Академии Наук. Аналитическая записка № 32, 2018 (№ 128). С. 1 – 7. <https://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/2018/an128.pdf>.
- 3) Общее видение, единый подход: сильная Европа. Глобальная стратегия Европейского Союза по внешней политике и политике безопасности. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eu_global_strategy_ru.pdf.
- 4) Потёмкина О. Ю. Новая стратегия Союза Безопасности ЕС // Институт Европы Российской Академии Наук. Аналитическая записка № 32, 2020 (№ 215).
- 5) Чернега В. «Европейская общая оборона» и украинский кризис // Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии Наук. Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Выпуск 66 (82). С. 2 – 32. http://inion.ru/site/assets/files/4256/2022_biul_evropeiskaia_bezopasnost_66.pdf.
- 6) Regulation (EU) 2022/1031 of the European Parliament and of the Council of 23 June 2022 on the access of third-country economic operators, goods and services to the Union’s public procurement and concession markets and procedures supporting negotiations on access of Union economic operators, goods and services to the public procurement and concession markets of third countries (International Procurement Instrument – IPI) (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32022R1031&from=EN>.